

Рецензии

Федоровский А.Н. Феномен чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея. М.: Изд. дом "Стратегия", 2008. 319 с.

Бурный неоиндустриальный прорыв искусственно отделенной от Севера постколониальной Южной Кореи — одна из малоизученных проблем в российском и мировом корееведении. Как это ни парадоксально, но до сих пор не было создано ни одного комплексного исследования, специально посвященного опыту уникального взаимодействия государства и крупного капитала в РК в процессах радикальной модернизации национального хозяйства. Рецензируемая монография А.Н. Федоровского во многом восполняет серьезный пробел по данному сюжету.

Генезис, становление и возвышение чэболь — своеобразных локомотивов южнокорейского "экономического чуда" (семейно-родовых конгломератов) нередко выводятся из исторического прошлого, когда японские дзайбацу проводили на полуострове курс на военно-колониальную индустриализацию. Как известно, побочным следствием этого курса был некоторый рост корейской предпринимательской буржуазии, часть которой стала играть весьма заметную роль после провозглашения на Юге Первой республики. Однако, как обоснованно полагает автор, чэболи — это уникальный, сугубо южнокорейский феномен. Их преобладающая часть выросла в условиях льготного передела колониального имущества и использования внешней, прежде всего американской помощи. Именно на этой волне стремительно возвысились такие могущественные конгломераты, как "Хендэ" (Hyundai Corporation), "Самсунг" (Samsung), "Лакки голдстар" (Lucky Goldstar), "Дэу" (Daewoo Motor), "Ссангъен" (Ssangyong) и др. История глобализации не лишена удивительных парадоксов. Основатель "Хендэ" Чон Чжу Ен, в молодости грузчик и автослесарь, только в 1947 г. соз-

дал небольшую строительную компанию. Выгодные подряды от государства, теснейшая уния с госбюрократией превратили ее в одного из крупнейших производителей цемента, алюминия, стали, бумаги, химических товаров, а позднее — океанских судов и автомобилей. Этот генезис свидетельствует о том, что чэболи, несмотря на ряд космополитических черт, — специфическое южнокорейское явление, базирующееся на весьма консервативных (во многом патриархальных) традициях. "На протяжении десятилетий они (традиции) определяли специфику развития корпоративных институтов, — отмечает автор книги. — Существенным их свойством является жесткая вертикальная иерархическая структура, чьи параметры не могут быть резко изменены, поскольку основываются на исторически длительных, апробированных опытом многовековых традиций общественных отношениях и закреплённых в сознании людей нормах поведения" (С. 43).

Автор монографии убежден, что южнокорейская модель достаточно гибкого и маневренного взаимодействия государства и частного бизнеса составляет одну из движущих пружин "экономического чуда" страны, ее неоиндустриальной, а затем и постиндустриальной модернизации. Анализируя экономические показатели РК за 2005 г. (ВВП — 720 млрд долл., золотовалютные резервы — 210 млрд долл., экспорт — 283 млрд долл. и т.д.), А.Н. Федоровский с полным основанием полагает, что эти феноменальные достижения вчерашней японской колонии вряд ли стали бы возможны без масштабной чэболизации, а точнее формирования с помощью государства мощных финансово-промышленных групп, превращающихся в условиях глобализации в довольно сильную транснацио-

нальную конкурентную силу. Именно государство и чэболи-конгломераты играют определяющую роль в выработке стратегии внешнеэкономической экспансии РК на китайском, японском, АСЕАНовском, северо-корейском и российском направлениях.

Разумеется, довольно эффективная модель взаимодействия государства и чэболей в РК возникла не без влияния мирового хозяйственного опыта, включая наследие либеральной рыночной экономики Запада. Не однажды, особенно в периоды кризисов, стагфляции и других неурядиц, на повестке дня вставал вопрос о том, чтобы “отрубить щупальца” всемогущим чэболь, пойти по пути радикального огосударствления и национализации крупного капитала. Однако каждый раз Республика Корея, как справедливо отмечено в монографии, находила иные конструктивные, прежде всего экономические пути выхода из тупика.

Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в экономической стратегии президентов Ким Дэ Чжуна и Но Му Хена. Автор книги выделил такие узловые аспекты реформирования чэболей, как финансовая прозрачность предприятий-монополистов, запрет взаимных (нередко фиктивных) долговых гарантий между дочерними фирмами одной и той же чэболь, расширение их интеграции с малым и средним бизнесом, обеспечение реальных контролирующих функций деятельности конгломератов со стороны миноритарных акционеров и т.п. (С. 120).

В дальнейшем тесный деловой союз между государством и крупным капиталом также развертывался в целом в рамках классических доктрин либеральной рыночной экономики. С одной стороны, государство приняло на себя ключевые функции по санации банковской системы, реструктуризации финансовой задолженности чэболей, созданию специального фонда повышения занятости, стимулированию малого предпринимательства и снижению налогового бремени на операции с недвижимостью. В то же время сами конгломераты взяли на себя обязательства по сокращению нерентабельных фирм и, что чрезвычайно важно, структурной модернизации компаний, действующих в девяти стратегических отраслях народного хозяйства (космос, полупроводники, нефтехимия,

черная металлургия, электротехника, автомобилестроение и др.). Особое внимание государственно-корпоративный альянс стал уделять подготовке нового поколения управленческих кадров, обладающих высокопрофессиональными знаниями и безупречной служебной репутацией: “Приход такого рода людей в правительство, — подчеркивает А.Н. Федоровский, — вызывает поддержку в бизнесе, поскольку новая бюрократия лучше образована и меньше отягощена грузом прошлого (желанием командовать бизнесом, коррупционными связями, клановым обязательствами и т.д.)” (С. 110). Курс на радикальное обновление и оздоровление управленческо-бюрократической элиты принес в конечном итоге не только осязаемые экономические, но и политические результаты. И отнюдь не случайно в декабре 2007 г. на пост президента РК был избран один из бывших топ-менеджеров корпорации “Хендэ” Ли Мен Бак.

Один из важных сюжетов рецензируемой книги — коррупция в высших эшелонах южнокорейской власти и крупного бизнеса. Вся история неоиндустриального подъема РК неотделима от сенсационных коррупционных скандалов. Строгие нормы конфуцианской этики не стали преградой на пути разрастания коррупционной болезни. Как отмечено в монографии, одна из форм скрытой коррупции государственной бюрократии — добровольно-принудительные платежи в фонды правящих элит и политических партий. Так, “отступные” олигарха при президенте Чон Ду Хване составили 5 млрд вон, а при правлении Ро Дэ У — около 10 млрд вон (с. 56).

Метастаз коррупции не удалось избежать даже администрации Ким Дэ Чжуна, который считается одним из наиболее последовательных приверженцев либеральной демократии.

Одно из ключевых направлений нарастающего взаимодействия национального государства и крупных конгломератов в РК — инновационная сфера. Однако на пути форсированного перехода неоиндустриальной экономики к инновационной РК натолкнулась на комплекс труднейших проблем. За период с 1990 по 2003 г. ежегодный объем инвестиций в НИОКР в стране возрос: по государственной линии с 650 млрд вон до 4 трлн 663 млрд вон, а частные инве-

стиции с 2 трлн 698 млрд вон до 14 трлн 327 млрд вон. В переводе на долларовой курс суммарные капиталовложения в НИОКР в 2003 г. достигли 19 млрд долл., что составило 2,6% ВВП (С. 139). Этот сдвиг не устранил значительного отставания РК от США, Японии, Германии и других высоко развитых стран по размерам инвестиций в инновации. Отсюда весьма скромные показатели научного экспорта РК (около 100 млн долл. в 2005 г.). Южнокорейская НИОКР, как отмечено в рецензируемой монографии, явно страдает от сверхчэболлизации. Лишь на 20 крупнейших конгломератов приходится около 40% ученых и 55% капиталовложений в НИОКР.

Южнокорейское государство и чэболь не раз провозглашали крупные стратегические программы интенсификации научно-технической политики. В январе 2000 г. в РК была обнародована стратегия прорыва от индустриальной экономики к постиндустриальной. При этом были четко определены приоритетные направления дальнейшего упрочения унии между государством и бизнесом: а) эффективное стимулирование экономики новейших знаний; б) резкий подъем индустрии информационных технологий, вхождение РК в первую десятку инновационных экономик мира; в) совершенствование образовательной системы, модернизация НИОКР до уровня стран, входящих в G7 и т.д.

Однако реализация этого амбициозного замысла оказалась намного сложнее, чем представлялось ранее. Само по себе увеличение государственно-частных ассигнований на науку и даже различного рода льготы НИОКР не всегда оправдывают завышенные ожидания. Согласно весьма аргументированному суждению А.Н. Федоровского, «острой проблемой становятся институциональные преобразования, по-

скольку иерархичная и сложная структура крупного бизнеса, его концентрация на решении тактических задач в ущерб достижению стратегических целей препятствует нововведениям» (С. 141). Отсюда настоятельная необходимость дальнейших институциональных преобразований НИОКР, поиски оптимальных путей достижения мировой научно-технологической конкурентоспособности национального хозяйства.

Представляют интерес суждения автора монографии «относительно возможной чэболлизации России». А.Н. Федоровский с полным основанием считает их явно гиперболизированными. Архитектоника и уникальный предпринимательский опыт чэболь вряд ли возможно реализовать в совершенно иных социальных условиях, иных деловых и культурных традициях. Разумеется, это не уменьшает огромный потенциал российско-южнокорейского сотрудничества в условиях глобализации. Крупные российские государственно-частные корпорации и южнокорейские чэболи в состоянии наладить тесное взаимодействие на долгосрочной, стратегической основе, хотя для этого потребуются сделать ощутимый крен в сторону инвестиционного и инновационного взаимодействия. «Необходим паритетный ответ России в построении двустороннего сотрудничества, концепцию которого необходимо наработать при участии государственных органов, бизнеса и его организаций, академического сообщества», — подчеркивает автор монографии (С. 365).

Российское корееведение пополнилось весьма содержательным, вдумчивым и глубоким исследованием, созданным в лучших традициях отечественной гуманитарной науки. Монографию, вне всякого сомнения, следовало бы рекомендовать в качестве университетского учебного пособия по специальностям «Международные экономические отношения» и «Регионоведение».